

"Вьюга"

(Из цикла "Книги и люди")

Серия "Литература русской эмиграции"

Иван Лукаш; Сочинения в двух книгах; кн. 2 "Бедная любовь Мусоргского"

Москва; НПК "Интелвак"; 2000

OCR и вычитка: Давид Титиевский, июль 2008 г., Хайфа

Библиотека [Александра Белоусенко](#)

Первое, важнейшее различие между ученичеством и подражанием заключается в том, что ученик заимствует у учителя лишь общие принципы его творчества, в то время как подражатель прежде всего старается перенять индивидуальные черты того, кому подражает. Ученичество дает известный опыт и навык, но оставляет полную свободу для самостоятельного развития. Наоборот, подражательство, ведущее к ненужному (и в полноте недостижимому) повторению уже существующей художественной индивидуальности, ограничивает возможности подражателя, закрывает перед ним путь к развитию. Учась, молодой писатель постепенно находит себя; подражая -- утрачивает, и тем безнадежнее, чем совершенней удастся ему подражать.

Так обстоит дело в теории. На практике чистое ученичество и чистое подражательство встречаются не часто. Подражать легче, нежели учиться. Поэтому абсолютных подражателей встречать приходится. Но ученика, даже самого даровитого, который бы никогда ни в чем не упал до подражания своему учителю или учителям, вряд ли можно указать. Подражательство в этих случаях есть лишь неумелое ученичество. Более или менее отчетливые следы подражания мы находим едва ли не у всех писателей, не исключая гениальных. Однако оно у них встречается только в раннем литературном возрасте. Подражательство есть детская болезнь, вроде кори, через которую почти неизбежно проходят не только отдельные писатели, но и целые национальные литературы.

Ученичество наступает обычно вслед за подражательством. Его можно уподобить периоду юношеского созревания с тою разницею, впрочем, что у настоящего, значительного писателя, никогда не останавливающегося на достигнутом, не склонного "почить на лаврах", оно в известном смысле и в известной степени затягивается на всю жизнь. Оно переходит в развитие данных собственного опыта, как бы в самостоятельные лабораторные исследования, то есть, можно сказать, становится учением у самого себя. Но оно и теперь еще может воспринимать данные чужого опыта, лишь подвергая их более самостоятельной обработке. В этом случае мы имеем дело с третьей формой литературной преемственности, с тем, что только и следовало называть влиянием. Обычно понятия ученичества и влияния смешиваются, чего, впрочем, нельзя ставить ни критикам, ни историкам литературы в большую вину, ибо на практике слишком часто бывает трудно определить, где кончается ученичество и начинается влияние.

Так, например, у Пушкина мы отчетливо видим подражание так называемой легкой французской поэзии в ранних лицейских стихах. Батюшкову -- там же, Вольтеру -- в "Монахе", Державину -- в "Воспоминаниях в Царском Селе"; ученичество у Жуковского столь же заметно в "Руслане и Людмиле"; учеником Шекспира Пушкин еще является в "Борисе Годунове", но шекспировское влияние ощущается во всем его последующем творчестве, затрагивая произведения, написанные не в драматической форме: шекспировским духом глубоко проникнута "Полтава", есть он и в "Медном всаднике" и даже в "Пиковой даме"; в маленьких трагедиях влияние Кольриджа и Вильсона соперничают с влиянием Шекспира.

Всякая литературная преемственность, вне которой ничто уже не существует, может быть с той или иной степенью точности расчленена на отдельные моменты ученичества или влияния. Не существует писателей, у которых не было бы литературных предков. Найти этих предков, установить характер и степень наследственности -- значит весьма много уяснить в писателе, определить характер его самого. Поскольку, однако же, каждая литературная индивидуальность самостоятельна, неповторима, -- постольку важно установить одновременно не только черты сходства писателя с его предками, но и черты различия.

В новом, только что изданном романе И.С. Лукаша "Вьюга" кажутся мне заметными лица двух таких предков. Между собой эти предки сильно разнятся и внутренним весом, и качеством, и объемом дарований. Соответственно различествуют и воздействия, оказанные ими на Лукаша. Предки эти -- Достоевский и Лесков. Относительно первого я сказал бы, что на Лукаша им оказано значительное влияние, но не столько литературного, сколько душевного порядка. По Достоевскому Лукаш не пишет,